

УДК 81.161.1

ДИСКУРСИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАУЗАЛЬНЫХ ВЕРСИЙ В ПЛАНЕ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ

Т. А. Яценко

Статья посвящена исследованию взаимодействия каузальных эпистемических версий и его роли в семантике и архитектонике текста. Объектом анализа является текст Эпилога романа М. Булгакова “Мастер и Маргарита”.

Ключевые слова: каузация, модальность, эпистемическая модальность, дискурс, роман “Мастер и Маргарита”.

Каузальная версия понимается нами как одно из возможных причинных объяснений одного и того же факта, явления, события и соотносится с логическим понятием гипотезы, а также с понятием “частичной, или неполной причины” [7, с. 85; 6, с. 159].

Понятие версии неразрывно связано с понятием модальности, тоже заимствованным лингвистикой из логики, где оно трактуется как оценка высказывания, данная с той или иной точки зрения [6, с. 110 – 111].

В современной лингвистике модальность рассматривается как одна из категорий текста, с включением объективной и субъективной модальности (Ш. Балли, В. В. Виноградов, Т. В. Шмелева, Б. В. Хрычиков и др.).

Для нашего исследования принципиально важной представляется трактовка модальности не только как языкового, но и как речевого явления [1; 2; 3; 5; 9; 12; 14]. Именно на уровне изучения семантики дискурса возможно выявление “палитры модальной семантики”, пределы которой не ограничиваются только предложением [3, с. 34].

Актуальность исследования каузальных версий в плане модальности обусловлена обращением современной лингвистики к антропологическому принципу анализа дискурса. **Новизна** нашего подхода к анализу модального плана дискурса заключается как в самом объекте исследования (каузальные версии), так и в представлении эпистемических версий в пределах целостного текста с учетом лексико-грамматических особенностей их выражения. **Объектом** исследования являются эпистемические каузальные версии. **Материалом** исследования послужил Эпилог романа М. А. Булгакова “Мастер и Маргарита” [4].

Цель работы: выявить контекстуальное взаимодействие каузальных эпистемических версий и его роль в семантике и архитектонике текста.

Проведенный нами ранее анализ каузальных версий в дискурсах разных типов (художественный, мемуарно-дневниковый, публицистический) показал их соотношение с разными типами модальности, среди которых особое место принадлежит аксиологической, деонтической и эпистемической.

Эпистемические модальности относятся к знанию, убеждению и связаны с истинностной характеристикой. Соответственно предметом лингво-эпистемологических исследований является гносеологическая функция языка, т. е. знание, информированность субъекта речи об объектах речи. Феномен репрезентации знания может быть представлен в триаде “эпистемический мир — эпистемическое состояние — эпистемический модус” [10].

Эпистемический мир понимается А. Н. Приходько как индивидуальная система знаний говорящего, его информационный запас и одновременно его ментальный тезаурус, его индивидуальная картина мира. Если оперировать понятиями лингвоконцептологии, то эпистемический мир может быть представлен как индивидуальная концептосфера.

Эпистемический модус связан с актуализацией отдельных фрагментов эпистемического мира в момент речи и находит отражение в том, как говорящий оценивает истинность своего высказывания. Весьма существенно для исследования каузальных версий в плане эпистемической модальности положение Б. Рассела о различиях в понимании истинности суждений в логической и эпистемологической теории, согласно которому в логической теории все суждения либо истинны, либо ложны, а в эпистемологической теории при отсутствии доказательств “за” или “против” они не могут быть истинными или ложными [11, с. 328]. Таким образом, для эпистемического модуса необходимой оказывается и каузальная аргументация автора высказывания. Эпистемическое состояние представляется как конфигурация информационных структур, которая возникает в ходе восприятия человеком физической реальности.

Интересный материал для прослеживания взаимодействия различных эпистемических версий дает эпилог романа М. Булгакова “Мастер и Маргарита”. Он может быть условно разделен на три части: “Следствие по делу Воланда и его свиты”, “Изменения в жизни людей, пострадавших от фантастических событий”, “Жизнь и сны профессора Понырева”. Каждая из этих частей характеризуется определенным модальным планом.

При всей фантастичности произошедшего оно названо автором романа “фактом” т. е. событием, которое действительно имело место: *Но факт все-таки, как говорится, остается фактом, и отмахнуться от него без объяснений никак нельзя: кто-то побывал в столице* (с. 402).

Итак, перед нами — факт-следствие, неопределенность каузатора (*кто-то*) и необходимость причинного истолкования в высшей степени аномальных событий. Выдвигаются различные причинные версии, характер которых непосредственно зависит от определенных установок субъектов мнения, представленных обобщенно: “представители следствия и опытные психиатры”, “наиболее развитые и культурные люди”, “люди толпы” и сам автор текста.

Обратим внимание на характерное для советской системы единство мнений “опытных психиатров” и “представителей следствия”, именно им принадлежит официальная версия о действиях “невиданной силы гипнотизеров”. Эпистемиче-

ский модус уверенности, пронизывающий “официальную версию”, вступает в драгикомическое противоречие с самой природой фантастических событий, не поддающихся рациональному каузальному объяснению. Полное отсутствие “логических опор” компенсируется “объяснениями”, характеризуемыми как “толковые” и “неопровержимые” (с. 404). Именно последнее из определений передает сущность “официальной версии”: ее невозможно *опровергать*, а тем более *опровергнуть*.

“Официальная версия” рассчитана на абсолютное понимание (*в свете таких объяснений решительно все понятно*), не оставляющее места для сомнений, она преподносится как истина. Именно *преподносится*, потому что, как справедливо замечено А. Н. Приходько, “понимание в ракурсе эпистемологии — это не столько показатель успешности декодирования речевого акта реципиентом, сколько свойство самого речевого акта, то есть сигнал того, как говорящий квалифицирует то, что он наблюдает в жизненном мире, а, наблюдая, воплощает в слове” [10, с. 23].

М. Булгаков саркастически представляет “проницательность” и “неопровержимость” официальных объяснений фантастического происшествия, многократно повторяя лексемы, связанные с семантикой `объяснения`: *объяснить, было объяснено, объяснения*. Объяснения претендуют на универсальность: *и все это было объяснено*.

Эпистемический модус “достоверного знания” передается также глагольной формой *установили* и устойчивым сочетанием *на самом деле*. Все мнимое и смещенное “научно” объясняется силой внушения. *Представители следствия и опытные психиатры установили, что члены преступной шайки или, может быть, один из них (преимущественно подозрение в этом падало на Коровьева) являлись невиданной силы гипнотизерами, могущими показать себя не в том месте, где они на самом деле находились, а на позициях мнимых, смещенных. Помимо этого, они свободно внушали столкнувшимся с ними, что некие вещи или люди находятся там, где на самом деле их не было, и наоборот, удаляли из поля зрения те вещи или людей, которые действительно в этом поле зрения имелись.*

В свете таких объяснений решительно все понятно и даже наиболее волновавшая граждан, ничем, казалось бы, не объяснимая неуязвимость кота, обстрелянного в квартире №50, при попытках взять его под стражу (с. 404).

Неопровержимость объяснений подкрепляется модальной рамкой реальности (*на самом деле, действительно*) и уверенности (*натурально, конечно*). Эпистемическая модальность полной уверенности вступает в какой-то степени в противоречие с мнением граждан, которых наиболее волновала “ничем (...) не объяснимая неуязвимость кота” (модусное состояние непонимания), но официальным следствием опровергается сама реальность этого события: “кот на люстре”

переводится в модус ирреальности с помощью модального слова *казалось бы*.

В последующем фрагменте текста модальность уверенности подкрепляется наличием двойного отрицания (*никакого кота не было; никто и не думал отстреливаться*), а также специальными модальными словами-усилителями *натурально* и *конечно*: *Никакого кота на люстре, натурально, не было, никто и не думал отстреливаться, стреляли по пустому месту, в то время как Коровьев, внушивший, что кот безобразничает на люстре, мог свободно находиться за спиной стрелявших (...). Он же, конечно, и поджег квартиру, разлив бензин* (с. 404 – 405).

Неопровержимость официальной версии не поколеблена и тем фактом, что вся шайка во главе с Воландом, несмотря на немедленные и энергичные меры властей, исчезла бесследно. И здесь выдвигается любимая следствием официальная версия: *“бежал за границу”*, после которой следует короткая ироничная ремарка автора: *но и там нигде не обозначился* (с. 402).

Вторая версия каузального объяснения фантастических событий принадлежит другому, тоже обобщенному субъекту — “людям толпы”. Если официальная версия имеет номинации: “точка зрения следствия” и “объяснение”, соответствующие ее “рациональному, научному” характеру, то версия “людей толпы” именуется “слухами” и формулируется предельно лаконично: “нечистая сила”.

Само слово *слух* в данном употреблении содержит сему ‘недостоверность’: *слух* в значении ‘известия, сведения, достоверность которых не установлена’ [МАС, т. IV, 145]. В анализируемом фрагменте текста этот компонент семантики слова развивается и усиливается повторами и авторской оценкой, скрывающей иронию: “самые невероятные слухи”, которые “даже тошно повторять”: *О том, что в течение долгого времени по всей столице шел тяжелый гул самых невероятных слухов, очень быстро перекинувшихся и в отдаленные и глухие места провинции, и говорить не приходится, и слухи эти даже тошно повторять* (с. 401 – 402). Внимание читателя акцентируется на продолжительности действия этой версии, именуемой “слухами”, и на ее мгновенном распространении на большом пространстве.

Собственно субъект этой версии так и не назван непосредственно, его метонимическим именованьем выступает локус — названия сферы распространения версии: *в очередях, в трамваях, в магазинах (...)* Само представление сферы распространения версии значимо не только многокомпонентностью перечислительного ряда, свидетельствующей о ее популярности, но и самим характером называемых локусов (это места, где собираются “люди толпы”). Не случайно также именование этой версии “шепотом”, так как, находясь в оппозиции к официальной версии, она не имеет права на открытое распространение: *Шепот “Нечистая сила...” слышался в очередях, стоявших у молочных, в трамваях, в магазинах, в квартирах, в кухнях, в поездах, и дачных и дальнего следования, на станциях и полустанках, на дачах и на пляжах* (с. 402).

Эпистемическая модальность недостоверности представленной версии, помимо указанных выше языковых средств, выражается также в позиции третьего субъекта, именуемого автором иронично: “наиболее развитые и культурные люди”. Показательно, что именно “культурные люди”, наравне с “опытными психиатрами”, вполне разделяют официальную версию следователей: *Наиболее развитые и культурные люди в этих рассказах о нечистой силе, навестившей столицу, разумеется, никакого участия не принимали и даже смеялись над ними и пытались рассказчиков образумить (...)* Культурные люди стали на точку зрения следствия: работала шайка гипнотизеров и чревоушателей, великолепно владеющая своим искусством (с. 402).

Для выражения эпистемического модуса уверенности “культурных людей” в своей правоте используются разнообразные языковые средства. Семантика отрицания их участия в распространении “слухов” усиливается двойным отрицанием (*никакого участия не принимали*), наличием модального слова *разумеется* и употреблением глагола *смеяться (над кем)* в значении ‘насмехаться, издеваться над кем-, чем-л.’, данная семантика подкрепляется усилительной частицей *даже*.

Желание опровергнуть ложную версию о “нечистой силе” передается сочетанием модального глагола *пытались* с глаголом *образумить*. В лексическое значение глагола *образумить* ‘Убедить, заставить одуматься, быть благоразумным’ входит сема ‘каузировать благоразумие’, что в контексте описываемых инфернальных событий приобретает комический характер.

Заметим, что усилительная частица *даже* относится к обоим предикатам (*даже смеялись над ними и пытались рассказчиков образумить*), называющим каузирующие действия, направленные на “неразумных” субъектов “неофициальной версии”.

Каким же образом представляется версия самого автора? Сам по себе вопрос может показаться на первый взгляд странным, потому что весь текст романа, за исключением рассказа о Понтии Пилате, написан от лица автора, а события при всей их фантастичности выражены в плане реальной модальности.

Но в анализируемой части Эпилога М. Булгаков прибегает к своеобразному приему мистификации: он начинает играть роль законопослушного “лояльного гражданина” и, соответственно, **не может не согласиться** с официальной версией: *объяснения эти нельзя не признать и толковыми, и неопровержимыми* (с. 404). Он и Воланда называет “именующий себя Воландом”, что ставит под сомнение его реальность. “Лояльный гражданин” дает положительную аксиологическую оценку мерам, принятым следствием: *Меры к ее поимке как в Москве, так и за пределами ее далеко были, конечно, приняты немедленные и энергичные (...)* (с. 402). Версия о бегстве за границу характеризуется как “совершенно естественная”, то есть вполне логичная.

Но за этой гиперболизированно положительной оценкой действий властей скрывается сарказм автора, проявляющийся прежде всего в передаче мысли о фальси-

фицированности “успехов следствия”: никто не пойман, “злоумышленники” исчезли бесследно.

Позиция автора проявляется и в последующем изложении цепи причин и следствий. Последовательность каузально связанных событий (и ситуаций), выстроенных в причинную цепь, достаточно полно описана и в логических, и в лингвистических исследованиях (Б. Рассел, Т. Ван Дейк, А. Вежбицкая, Анна Зализняк и др.). В исследуемом нами материале причинная цепь оказывается чрезвычайно важной для понимания одного из многих ракурсов сюжета и в то же время оригинальна по своей структуре.

Речь пойдет о **жертвах**, связанных с “чудовищным делом”. Кроме погибших Берлиоза и бывшего барона Майгеля, сотен сведенных с ума людей, к ним можно причислить и две тысячи человек, которые вышли из Варьете нагишом, а также, по “совершенно правильной мысли следствия”, загипнотизированных и похищенных бандой Маргариту Николаевну и ее домработницу Наташу. “*Да, были жертвы, и эти жертвы требовали следствия*”, — заключает автор и продолжает повествование о “других жертвах”: *Но были и еще жертвы, и уже после того, как Воланд покинул столицу, и этими жертвами стали, как это ни грустно, черные коты* (с. 402).

В контексте повествования омонимичные *следствие*¹ ‘то, что вытекает, следует из чего-либо, вывод или результат, последствие’ и *следствие*² ‘в уголовном процессе: собирание и проверка доказательств по уголовному делу, необходимых для его правильного разрешения’ [МАС, т. IV, 134] совмещаются и складываются в единую каузальную цепь: наличие жертв (причина) вызывает следствие² (‘расследование’), которое является следствием¹ (‘результатом’) наличия жертв, в свою очередь следствие² становится причиной появления новых жертв. Эта причинная цепь, построенная на парадоксальном сближении омонимов, приводит к формированию понятия ‘жертвы судебного следствия’, вполне понятного читателю в контексте Эпилога, но не вербализованного автором.

Повествование о “новых жертвах” структурируется как парадоксальное. Вначале речь идет о наименее значительных жертвах “репрессий”: обычных котках, единственным основанием для истребления которых было сходство по цвету с котом Бегемотом. Своеобразным “мостиком” к человеческим жертвам становится фантазмагорическая сцена поимки и доставки в милицию кота “бдительным гражданином”. Жертвы среди черных котков, каузаторами истребления которых являются исключительно бдительные граждане, а также аксиологическая оценка этих событий автором описаны достаточно подробно (с. 402 – 404). Невинные жертвы среди котков вызывают не только грусть и сострадание, но и негодование против существ, более сильных, чем они.

В то же время информация о человеческих жертвах, где каузаторами репрессии являются следственные инстанции, вмещается всего в три абзаца. Авторская аксиологическая оценка событий отсутствует. В начало первого абзаца намеренно включается семантика неопределенности (*некоторые неприятности, кое-*

кого из людей) и прием мейозиса (*незначительные неприятности*). Из последующих фраз становится понятен авторский сарказм: под “неприятностями” подразумеваются “аресты” и “задержания”, “причинным основанием” которых явилось также “сходство”, на сей раз фамилии с номинациями *Воланд* и *Коровьев*: *Кроме котов, некоторые незначительные неприятности постигли кое-кого из людей. Произошло несколько арестов. В числе других задержанными на короткое время оказались: в Ленинграде — граждане Вольман и Вольпер, в Саратове, Киеве и Харькове — трое Володиных, в Казани — Волох, а в Пензе, и уж совершенно неизвестно почему, — кандидат химических наук Ветчинкевич ... Правда, тот был огромного роста, очень смуглый брюнет.*

Попались в разных местах, кроме того, девять Коровиных, четыре Коровкина и двое Караваевых (с. 404).

Текстовая информация об аресте Ветчинкевича представляет интерес для анализа движения по шкале эпистемического состояния от “не понимаю” до “осознаю”. Вначале ситуация ареста Ветчинкевича является начисто лишенной каузального объяснения, что выражается в словосочетании *уж совершенно неизвестно почему*. Но само представление об аномальности ситуации базируется на алогичной основе: три начальные буквы его фамилии, в отличие от его товарищей по несчастью, не составляют элемента *ВОЛ*, наличие которого по сходству с *Воланд*, с точки зрения официального следствия, является достаточным аргументом для ареста. Таким образом, модус “не понимаю” основывается на парадоксальном объяснении. Но последующее движение к модусу “осознаю” (отсутствии рациональной квалификации, но готовность принять версию) представляется еще более парадоксальным.

Магия “сходства” его внешности (“огромного роста, очень смуглый брюнет”) на сей раз, очевидно, с котом Бегемотом (а может, здесь закодировано и иное опасное сходство) делает возможным и в этой характеристике усмотреть достаточное основание для ареста.

Мир действий и мотиваций следствия, представляющего “официальную версию”, “несомненную и научно обоснованную”, является читателю не менее ирреальным, чем мир Воланда и его свиты.

Первая часть Эпилога завершается фразой: *Итак, почти все объяснилось, и кончилось следствие, как вообще все кончается* (с. 406). И после нее модус текста авторского повествования снова резко меняется. Вторая часть представляет собой нарративный текст, содержащий информацию о жизни тех, кто пострадал от Воланда и его свиты, и она строится в плане эпистемической модальности уверенности в полной реальности произошедших событий. Из множества действующих лиц, упоминаемых в этой части (Жорж Бенгальский, Варенуха, Степа Лиходеев, Римский, Алозий Могарыч и др.) только Никанор Иванович Босой вспоминает о произошедшем как о событиях фальсифицированных: *Все это только снилось Никанору Ивановичу под влиянием поганца Коровьева* (с. 408).

В завершающей фразе этой части вновь акцентируется внимание на **реальности** описанных ранее событий: *Да, прошло несколько лет, и затянулись правдиво описанные в этой книге происшествия и угасли в памяти* (с. 409). Следующая за ней фраза, построенная как парцелированная конструкция с повторяющимся отрицанием: *Но не у всех, но не у всех*, — подготавливает читателя к восприятию третьей, заключительной части Эпилога.

Она посвящена профессору Ивану Николаевичу Поньреву, бывшему поэту Ивану Бездомному. Временная модальность этого фрагмента текста представлена как циклически повторяющееся настоящее: *Каждый год, лишь только наступает весеннее праздничное полнолуние, под вечер появляется под липами на Патриарших прудах человек лет тридцати или тридцати с лишним* (с. 409). Для него былые события, а главное — открытие “иного мира” — не ушли в область прошлого.

При описании состояния Ивана Николаевича особого внимания заслуживает столкновение двух типов “знания”, при этом каждый из них в плане эпистемической модальности маркируется как достоверный: *Ивану Николаевичу все известно, он все знает и понимает. Он знает, что в молодости он стал жертвой преступных гипнотизеров, лечился после этого и вылезился. Но знает он также, что кое с чем он совладать не может. Не может он совладать с этим весенним полнолунием* (с. 409).

Надо сказать, что семантика выражения *Я знаю* в аспекте взаимодействия интенциональных состояний и речевых актов неоднократно обсуждалась в лингво-философских исследованиях (Ш. Балли, В. Ван А. Куайн, Г. Фреге, Н. Малком и др.). Глубокое исследование этого выражения в функции верификатора правоты писателя (на материале идиолекта Євгена Маланюка) представлено в работе Е. А. Семенец [13, с. 78 – 88].

Но в исследуемом фрагменте текста М. Булгакова акцент делается именно на столкновении знания логического, рационального и знания метафизического. Думается, что здесь нет оснований для разграничения концептов Знание и Вера (Считается, что концепт Вера распадается на две составляющие — ВЕРЮ и УБЕЖДЕН [8; 10]). Модальный оператор *он знает* не связывается и с речевым актом, он представляет только интенциональное состояние.

Если говорить об иерархии модально-эпистемической достоверности, то метафизическое знание занимает более высокую позицию. Для Ивана Николаевича метафизическое знание в определенной степени совпадает с подсознанием: его неудержимо влечет на то место, которое связано не только с таинственной встречей, но и с началом сомнений в своей материалистической правоте. Интуиция ведет его к решетке особняка, где жила Маргарита: *Профессор не знает, что влечет его к решетке и кто живет в этом особняке, но знает, что бороться ему с собой в полнолуние не приходится* (с. 410).

Метафизическое знание открывает возможность проникновения в иные миры. В ночь весеннего полнолуния он видит один и тот же сон, он слышит голоса, стра-

дает, мучительно кричит, а потом “спит Иван Николаевич со счастливым лицом”. Увиденное во сне поражает четкостью восприятия: “неестественное освещение (...) как это бывает только во время мировых катастроф”, изменение выражения лица человека “в белом плаще с кровавым подбоем” “из надменного в умоляющее”, и то, что глаза его спутника “почему-то улыбаются”.

В этом фрагменте текста не представлено контекстуальное взаимодействие между повторяющимися глаголами *видеть*, *слышать* и *знать*. Но зрительное и слуховое восприятие во сне — это внутреннее видение и внутреннее слышание, которые также сродни метафизическому знанию.

Таким образом, можно сделать следующий **вывод**: анализ целостного художественного текста в аспекте эпистемической модальности позволяет не только выявить взаимодействие разных модальных планов, но и понять их роль в архитектонике, семантике и отчасти — в поэтике текста.

Перспективы исследования видятся в системном анализе различных модальных планов каузальных объяснений в рамках текстов, принадлежащих дискурсам разных типов.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — 2-е изд. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 896 с.
2. Большакова, Н. И. Языковое оформление модальных категорий на материале писем М. Цветаевой и Б. Пастернака. — Дис. ... канд. филол. н. — Киев, 1993. — 246 с.
3. Брицин, В. М. Модальна семантика дискурсів як один із напрямів семантико-синтаксичних досліджень // ‘Mega Ling’ 2006 Горизонти прикладної лінгвістики та лінгвістичних технологій / Ред. В. А. Широков, С. С. Дікарева. — Сімферополь: “ДиАйПи”. — С. 34.
4. Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита / М. А. Булгаков. — Симферополь: Таврия, 1994. — 414 с.
5. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. — М.: Языки русской культуры, 1997. — 576 с.
6. Горский, Д. П. Краткий словарь по логике / Д. П. Горский, А. А. Ивин, А. Л. Никифоров; под ред. Д. П. Горского. — М.: Просвещение, 1991. — 208 с.
7. Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. — М.: Наука, 1975. — 720 с.
8. Лауфер, Н. И. Уверен и убежден: два типа эпистемических состояний // Логический анализ языка. — М.: Наука, 1993. — С. 105–110.
9. Мусієнко, В. П. Проблема істинності лінгвістичних знань // Мовознавство. — 2000. — №2/3. — С. 11–16.
10. Приходько, А. Н. Высказывание в модально-эпистемическом аспекте // Культура народов Причерноморья. — 2003. — №42. — С. 21–27.
11. Рассел, Б. Исследование значения и истины. — М.: Идея-пресс, 1999. — 400 с.
12. Селиванова, Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: монографическое учеб. пособие / Е. А. Селиванова. — Киев: Брама, 2004. — 336 с.
13. Семенец, О. О. Синергетика поэтического слова. — Кировоград: Імекс ЛТД, 2004. — 338 с.
14. Хинтикка, Я. Информация, причинность и логика восприятия // Вопр. философии. — 1975. — №6.

Яценко Т. А. Дискурсивне дослідження каузальних версій у аспекті епістемічної модальності.

Статтю присвячено дослідженню взаємодії каузальних епістемічних версій та її ролі у семантиці та архітектоніці тексту. Об'єктом аналізу є текст Епілогу роману М. Булгакова "Майстер та Маргарита".

Ключові слова: каузація, модальність, епістемічна модальність, дискурс, роман "Майстер та Маргарита".

Yashchenko T. A. The Discourse Research of the Causal Versions in the Epistemic Modalities Aspect.

The article is devoted to the research of the causal epistemic versions interplay and its role in the text semantics and architectonics. The object of the analysis is the text of the epilogue of the novel "The Master and Margarita" by M. Bulgakov.

Key words: causation, modality, epistemic modality, discours, the novel "The Master and Margarita".

Стаття поступила в редакцію 2 ноября 2006 г.